

ченного по репатриации при Совете министров СССР; третий – (1950–1953 гг.) характеризуется сменой контингента репатриантов, ими стали бывшие солдаты и офицеры вермахта в статусе “осужденных” и “подследственных”; четвертый (1950/1953–1958 гг.), когда репатриация превратилась в тему межгосударственного диалога СССР с ФРГ и коснулась “поздних репатриантов” (с. 179–182). Общий итог репатриации военнопленных и интернированных из СССР по состоянию на декабрь 1956 г. составил свыше 3,5 млн. военнопленных и свыше 400 тыс. интернированных, в их числе более 2 млн. немецких военнопленных и около 300 тыс. немецких интернированных (с. 100).

Интерес представляет описание механизма и процедуры репатриации немецких военнопленных из СССР. Согласно актам приема-передачи пленных в лагере № 69 МВД (г. Франкфурт-на-Одере), военнопленные прибывали в лагерь в основном в “удовлетворительном” или даже “хорошем” состоянии, однако, попав чуть позже в лагерь Броненфельде, принадлежавший провинции Бранденбург и Центральному немецкому управлению по делам переселенцев, “здоровый” на деле оказывался больным (с. 158). Свою роль, безусловно, играло расстояние (1500–2000 км или в среднем около 10 дней), но и не только. Жизнь репатриантов в пути зависела также от действий сопровождавшего эшелон персонала.

В третьей главе автор ставит вопрос о цене репатриации. Автор отмечает, что труд немецких военнопленных на восстановлении хозяйства СССР трактовался согласно международным договоренностям как часть репараций. Особые отношения СССР с ГДР нашли свое выражение в решении советского правительства от 15 мая 1950 г. сократить оставшуюся

к выплате сумму репарационных платежей на 50%. Аналогичные решения были приняты относительно Венгрии, Румынии и Финляндии (с. 172). Цена репатриации – это еще и человеческие жизни. Из плена в СССР не вернулись 356 687 из 2 388 443 немецких военнопленных (с. 187). Всего же в 1945–1958 гг. из СССР было репатрировано 2 033 164 бывших граждан “третьего рейха” (с. 179).

Ценной частью книги являются 63 приложения, представленные автором в качестве архивных документов, извлечений из опубликованных сборников документов, трудов российских и зарубежных историков. Собранные здесь документы и таблицы позволяют лучше оценить масштаб и сложность осуществления репатриации из СССР немецких военнопленных. Процесс их ресоциализации в Германии иллюстрируют фотографии.

К сожалению, книга, в которую было вложено много труда, грешит стилистическими и грамматическими небрежностями, что иногда приводит к смысловым абберациям. Не совсем понятно, почему название книги взято автором в кавычки, а слово “вермахт” пишется им с большой буквы (с. 105). Вызывает возражение и неравномерность глав в содержательном и количественном отношении; названия ряда глав более уместны в работе публицистического характера.

В целом в монографии В.А. Всеволодова ставятся новые и важные вопросы; книга побуждает читателей к размышлению о сложных и актуальных проблемах истории Второй мировой войны.

Н.П. Тимофеева,

кандидат исторических наук

Центральный филиал Российской академии правосудия, Воронеж

С.В. Артамошин. ПОНЯТИЯ И ПОЗИЦИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ “КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ” В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Брянск: изд-во Брянского государственного университета, 2011, 312 с.

Тема монографии доцента Брянского государственного университета кандидата исторических наук С.В. Артамошина актуальна не только для изучения истории Германии. Речь идет о выяснении причин, повлиявших на трагическую судьбу первой германской республики, получившей название Веймарской – по месту принятия ее конституции в 1919 г. Крах Веймарской республики в 1933 г. являет собой урок и для современных демократических систем. Автор обратился к изучению влиятельно-

го идеологического течения Веймарской республики – “консервативной революции”.

Это течение хронологически совпадает с историей Веймарской республики – оно возникло как антипод Веймарской демократии, но с установлением нацистской диктатуры исчезло. В этом один из парадоксов “консервативной революции”. На протяжении многих лет историки изучают феномен “консервативной революции”, анализируют взгляды “революционных консерваторов”. Ценность работы

С.В. Артамошина состоит в том, что ее автор, впервые в отечественной историографии предпринял комплексное исследование мировоззренческих и политических компонентов этого течения. Историк проследил процесс оформления “консервативной революции” как интеллектуального течения, рассмотрел его структуру, социальное происхождение и биографии идеологов “консервативной революции”, особо остановившись на анализе германского националистического консерватизма после Первой мировой войны, вкладе “революционных консерваторов” в духовное разрушение Веймарской демократии.

В монографии показано, что поражение Германии в Первой мировой войне, крах кайзеровской империи, Ноябрьская революция, провозглашение республики, Версальский договор стали для консервативных интеллектуалов началом поиска особого “третьего пути”, отличительной чертой которого стал германский национализм. В их представлении этот путь стал бы “противоядием” от яда версальско-веймарской системы; с национальной “консервативной революции” должно было начаться “возрождение” германской нации и государства. С.В. Артамошин обращается к духовным истокам “консервативной революции”, ко взглядам П. де Лагарда, А.Ю. Лангбена, Х. Доносо Кортеса, в которых был ярко выражен националистический и антидемократический элемент. “Консервативные революционеры” видели основу возрождения германства в трансформации консервативной идеи. Таким образом, с их обращением к немецкой консервативно-националистической традиции в Германии устанавливалась историческая преемственность. В книге показана специфика “консервативной революции”, ее отличие от консерватизма времен кайзеровской империи.

Первая мировая война оказала глубокое воздействие на национальное сознание немцев. У “консервативных революционеров” представление о войне было разным. Э. Юнгер, участник и герой войны, испытавший на себе все ужасы и тяжести фронтовой службы, нарисовал образ представителя военного поколения – окопника, “перерожденным” войной и смотрящего на мир иными глазами. Поколение войны восприняло поражение Германии как личную трагедию. С.В. Артамошин приходит к выводу, что солдаты-фронтовики, чей мир отражал в своем творчестве Юнгер, были готовы после поражения Германии в войне продолжать борьбу, но уже на внутреннем фронте – против республики, заключившей “позорный” мир с Антантой (с. 69).

С.В. Артамошин сосредоточил главное внимание на обстоятельном анализе мировоззрен-

ческих и политических элементов “консервативной революции”, главным из которых был националистический. Как пишет автор, консерватизм повернулся к нации и соединил в себе консервативный и националистический компоненты. “Певцом национализма” стал Мёллер ван ден Брук: все его мировоззрение было пропитано национализмом. Он видел в немецком национализме дух пруссачества. “Консервативных революционеров” объединяли именно национализм, антиреспубликанизм, антилиберализм – демократическую Веймарскую республику они презирали.

Исходя из националистической идеи, идеологи “консервативной революции” выработали свое понимание государственной власти, которое являлось альтернативной парламентаризму. Речь шла о сословном государстве. По утверждению С.В. Артамошина, сословно-корпоративный принцип государства должен был послужить заменой Веймарской демократии. Грядущий германский рейх, “третий рейх”, – это национальное и авторитарное государство, принципиально отличающееся от либеральной демократии Веймарской республики. По Мёллеру ван ден Бруку, “третий рейх” – это руководимое “вождем” антидемократическое, антилиберальное, националистическое государство, основанное на идеях “германства”, в основе которого лежит “пруссачество”.

С.В. Артамошин анализирует воззрения консервативного религиозного философа К. Шмитта на проблему государства, рассматривая его теорию диктатуры, выделяя два ее типа: “суверенную” и “комиссарскую” Шмитт был автором антитезы “друг-враг”, указывая на наличие особой связи между понятиями “друг” – “враг”, “мир” – “война”.

“Консервативные революционеры” были не только националистами, сторонниками сильного национального государства, но и проявляли крайнюю неприязнь к либерализму и демократии. Мировоззренческая борьба с либерализмом служила основой для критики и отторжения политической системы Веймарской республики. Антилиберальные и антидемократические воззрения были тесно связаны со взглядами на немецкий национальный социализм, в консервативном его понимании. Представители “консервативной революции” выступали против интернационального марксизма и марксистского понимания социализма как проявления либерального мира. Немецкий национальный социализм был националистическим, а не интернационалистическим, а образ единой народной общности был воплощен в прусском социализме, который выступал как социализм нации-государства, а не класса. Немецкий национальный социализм, справедливо отмечает

автор, “должен был служить альтернативой как буржуазному миру, так и самой политической системе Веймарской республики” (с. 203).

Ноябрьскую революцию и Веймарскую республику идеологи “консервативной революции” превращали в единственного виновника поражения Германии и Версальского мира. “Политическая и идеологическая борьба против республики, – заключает автор, – являлась одновременно борьбой против Версальской системы. Ведь республика родилась под роковой звездой Версаля” (с. 205).

Одним из самых сложных и спорных аспектов исследования С.В. Артамошина является проблема взаимоотношений и взаимосвязи “консервативной революции” и национал-социализма. С.В. Артамошин отмечает, что, несмотря на идейную близость, между ними были сложные и противоречивые взаимоотношения. Их сближало разрушение республики, ревизия Версальского договора, строительство немецкого националистического государства. Но их принципиально раздвигало отношение к расизму. “Консервативные революционеры” отрицали расизм, в то время как сторонники гитлеровского национал-социализма рассматривали расизм как краеугольный камень своей идеологии и политики. Консерваторы так и не смогли распознать суть нацизма, давали ему разное толкование; они серьезно недооценивали опасность национал-социализ-

ма. Восприятие нацизма шло от признания и восхваления (Э. Юнгер) до религиозно-политического отрицания (Э. Никиш). Национал-социализм и “консервативная революция”, по образному выражению С.В. Артамошина, “шли одним курсом против Веймарской республики, но каждый на своем собственном корабле” (с. 266).

С приходом Гитлера к власти течение “консервативных революционеров” постепенно исчезает из общественно-политической жизни Германии. Никто из “консервативных революционеров” не оказался причастен к преступлениям нацизма. В работе упоминается об участии некоторых деятелей “консервативной революции” в заговоре против Гитлера в июле 1944 г. Однако кто конкретно участвовал в антигитлеровском Сопровождении и в чем состояло это участие – не сказано. В монографии следовало бы дать анализ (помимо произведений идеологов “консервативной революции”) источников и литературы, на которые автор опирается.

В целом же, С.В. Артамошин написал содержательный труд, сделал интересные выводы и внес важный вклад в изучение истории Веймарской республики.

М.Е. Ерин,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Ярославского государственного университета

Н.В. Ростиславлева. ГЕРМАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века. К. ФОН РОТТЕК, К.Т. ВЕЛЬКЕР, Ф.К. ДАЛЬМАН, В. ФОН ГУМБОЛЬДТ, Д. ГАНЗЕМАН. М.: РГГУ, 2010, 427 с.

В монографии доцента Российского государственного гуманитарного университета, доктора исторических наук Н.В. Ростиславлевой рассматривается система взглядов и практическая деятельность таких представителей раннего либерализма в Германии первой половины XIX в., как К. фон Роттек, К.Т. Велькер, Ф.К. Дальман, В. фон Гумбольдт, Д. Ганземан.

Во “Введении” подчеркивается интерес к идеям либерализма в России, возникший в 90-е годы XX в. и связанный с трансформационными процессами 1980–1990-х годов в странах Центральной и Восточной Европы и в СССР (с. 3).

Исследование базируется на широком круге источников, автор использует междисциплинарные методы.

Ростиславлева опирается на работы предшественников-историков и на основе сложившегося в науке подхода разделяет территорию

Германии, тогда еще не объединенной, на четыре крупных региона в зависимости от их географического положения: Север, Юг, Запад и Восток. Исходя из этого, она анализирует вклад ведущих либералов каждого из этих регионов в развитие либерализма в стране. Особенности раннего либерализма рассматриваются сквозь призму воззрений и деятельности названных личностей, представлявших эти регионы.

Изучение раннего либерализма на основе использования биографического подхода позволяет показать обусловленность теоретических предпочтений либералов их региональным происхождением, особенностями местных менталитетов, объяснить различия в применении развивавшихся ими идей в практических целях.

В первые десятилетия XIX в., когда на повестке дня остро стоял “немецкий вопрос”, т.е. объединение разрозненных малых немец-